

УДК 811.111'37: 81'25
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-66-72

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» В РАССКАЗЕ ДЖ. Р. ТОЛКИЕНА «LEAF BY NIGGLE» И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Георгий Игоревич Прокони́чев

к. филол. н., доцент кафедры теории и практики перевода и переводоведения

Московский педагогический государственный университет

119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 88. Armiger@Yandex.ru

SPIN-код: 9268-6183

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7754-8723>

ResearcherID: D-4648-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Прокони́чев Г. И. Языковая репрезентация концептов «Жизнь» и «Смерть» в рассказе Дж. Р. Толкиена «Leaf by Niggle» и особенности их передачи на русский язык // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 66–72. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-66-72

Please cite this article in English as:

Prokonichev G. I. Yazykovaya representatsiya kontseptov «Zhizn'» i «Smert'» v rasskaze Dzh. R. Tolkiena «Leaf by Niggle» i osobennosti ikh peredachi na russkiy yazik [“Life” and “Death” in J. R. R. Tolkien’s Short Story *Leaf by Niggle*: Linguistic Representation of the Concepts and Peculiarities of their Conveyance into Russian]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 66–72. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-66-72 (In Russ.)

Рассматриваются вопросы языковой репрезентации концептов «Жизнь» и «Смерть» на основе когнитивных метафор, которые моделируют эти концепты в известном рассказе Дж. Р. Толкиена. Эти онтологические концепты, играющие важную роль во всем творчестве писателя, особенно ярко проявлены в языке его главного романа. Выявление слов, моделирующих эти концепты в языке художественного произведения, позволяет пролить свет на лежащие за уровнем внешней формы глубинные структуры языка. Ключевым образом, представляющим в рассказе концепт «Жизнь», выступает дерево, являющееся символом жизни во многих религиях мира. Метафора «ЖИЗНЬ – ЭТО ДЕРЕВО» выражена целым рядом языковых единиц. Концепт «Смерть» представлен через метафору путешествия, перемещения, которая тоже является архетипом для множества культур. В статье проводится также сопоставительный анализ исходного текста и нескольких существующих переводов на русский язык для выявления расхождений в исходной репрезентации указанных концептов и в том, как они моделируются в тексте перевода. Анализ переводов позволяет прийти к выводу о необходимости учитывать в процессе перевода не только лексические, синтаксические и семантические особенности, но и лежащие за ними концептуальные структуры. Национальная ментальность, будучи важнейшим аспектом языкового мышления, находит свое отражение в лексико-семантической и грамматической системе языка, в этой связи исследование и адекватность передачи национально-специфичных, а также сугубо авторских особенностей текста оригинала занимает особое место в переводоведении.

Ключевые слова: Дж. Р. Толкиен; концепт; когнитивная метафора; жизнь; смерть; перевод; соотношение оригинала и перевода.

В последнее время одно из центральных мест в современных лингвистических исследованиях отводится изучению концептосферы языка. Данная область представляет интерес, поскольку

находится на стыке лингвистики, культурологии, психологии и других наук и ставит своей задачей исследовать процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира [Болды-

рев 2001: 8]. Отдельный и весьма важный аспект данного направления – это выявление специфики передачи концептуальных построений в переводе. Еще Б. Уорф акцентировал внимание на вопросе перевода как на переходе с одного национального кода на другой, выделяя «лингвистику говорящего» и «лингвистику слушающего», что применительно к когнитивному подходу означает правильную трансляцию в процессе перевода культурно специфичных концептов.

Являясь процессом когнитивной деятельности человека, концептуализация ведет к образованию базовой единицы – концепта, часто называемого главным, ключевым понятием современной когнитивной лингвистики.

Е. Г. Беляевская предлагает два видения содержания понятия «концепт»: 1) максимально обобщенный ментальный конструкт, вербализуемый множеством языковых средств; 2) условная ментальная единица, являющаяся составным элементом концептуальных структур, лежащих в основе семантики языковых и речевых единиц [Беляевская 2007: 63–64].

Содержание концептов, согласно Ю. С. Степанову, культурно детерминировано, что позволило исследователю определить концепт как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 1997: 40]. Важной в этом определении нам представляется мысль о том, что концепт неразрывно связан с определенной культурой и, соответственно, с определенной понятийной картиной мира.

Р. Джакендофф описывает концепт как «ментальную структуру», которая отражает и фиксирует весь опыт [Jackendoff 1983: 78]. На эту сторону указывает и Н. Н. Болдырев, полагая, что концепты, являясь результатом когнитивной деятельности человека, «отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов деятельности человека и результатов познания им окружающего мира в виде определенных единиц знания» [Болдырев 2002: 23–24].

Е. С. Кубрякова определяет концепт как некий отдельный смысл, «оперативную единицу», имеющуюся у нас в сознании [Кубрякова 2004: 316]. Таким образом, можно сказать, что концепт служит своего рода посредником между словом и реальностью.

Одним из ключевых процессов в концептуализации называется процесс метафоризации. Развитие теории концептуальной метафоры и последовательное описание метафорических мо-

делей является одним из перспективных направлений когнитивной лингвистики.

Метафора образует фундамент концептуальной системы, она определяет способ человеческого осмысления событий, фактов, способов действий. Человек может, не прикладывая усилий, неосознанно накладывать одно явление на другое, так что весь его опыт организуется с помощью стереотипных образов – когнитивных моделей, которые проявляются в языке в виде метафор.

Наиболее четко данная теория изложена Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в известной монографии «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson 1980]. Основные положения концептуального анализа, предложенного Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, заключаются в том, что метафора относится не к уровню языковой техники, но к уровню мышления и деятельности: «наша обыденная концептуальная система, в терминах которой мы одновременно думаем и действуем, фундаментально метафорична по своей природе» [ibid: 3].

В когнитивных исследованиях принято отличать метафору как термин от метафорического выражения. Под метафорой подразумевается концептуальная метафора – способ думать об одной области через призму другой, например, «ЛЮБОВЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ» (метафоры принято писать заглавными буквами). Метафорические выражения – это отражения метафор в языке, например: “*Our relations have hit a dead-end street*” [Ченки 1997: 351]. Е. С. Кубрякова определяет когнитивную метафору как «одну из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [КСКТ 1997: 55].

Когнитивная лингвистика и теория концептуальной метафоры отводят метафоре центральную роль в понимании и структурировании действительности, и под метафоризацией понимается процесс, основанный на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели». Область источника относится к более конкретному знанию человека, полученному им при непосредственном взаимодействии с действительностью, и представляет собой обобщение опыта практической жизни человека в мире. Область цели составляют понятия, которые недоступны в прямом физическом опыте, это нечто менее ясное и конкретное. В процессе метафоризации некоторые области структурируются по образу источника, т. е. происходит «метафорическая проекция» (“*metaphorical mapping*”), или «когни-

тивное отображение» (“cognitive mapping”) [Лакофф, Джонсон 2008: 9].

Метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, т. е. сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Именно это имеется в виду, когда говорится о том, что понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека.

Таким образом, как указывает Н. Д. Арутюнова, центральный тезис Дж. Лакоффа состоит в том, что метафоры облегчают процесс мышления, предоставляя нам эмпирические рамки, внутри которых мы можем осваивать новообретенные абстрактные концепты [Арутюнова 1999: 35].

Понимание когнитивных метафорических структур является важным аспектом переводческой деятельности, поскольку неверная их интерпретация может привести к формированию у читателя переведенного текста неверного образа.

В условиях глобализации межъязыковой коммуникации культуры переводчик становится центральной фигурой межъязыковой и межкультурной коммуникации, поскольку происходит и контактирование двух семантических систем со своими национально-культурными особенностями, и контакт представителей двух лингвокультурных общностей, каждого со своим мировосприятием и определенным фондом культурного наследия: фоновыми знаниями, морально-этическими нормами, речевым этикетом [Кабанков 2002: 246].

Между концептосферами различных народов с различными языками много общего, и такая общность обеспечивает переводимость с одного языка на другой, и в то же время, по словам Вежбицкой, сама возможность перевода свидетельствует о близости концептосфер [Вежбицкая 1997: 28]. Вместе с тем некоторые национальные концепты одного языка не могут быть адекватно отображены в другом. Каждая культура обладает определенным набором концептов, а метафорическая модель соединяет два концепта одной языковой системы путем переосмысления области-цели относительно области-источника. Очевидно, что при отсутствии одной из частей опыта (области-цели или области-источника) в концептосфере принимающей культуры воссоздание оригинальной метафоры невозможно [Проконьева 2006: 210].

Целью нашего исследования является рассмотрение концептов «Жизнь» и «Смерть» на примере метафорических моделей в художественном дискурсе произведения Дж. Р. Толкиена. Эти концепты были выбраны, поскольку,

по нашему, мнению, противостояние жизненного начала и смерти проходит красной нитью через все произведения писателя.

В отечественной практике художественного перевода произведения Дж. Р. Толкиена представляют собой, как нам кажется, объект своего рода переводческого соревнования: так, анализируемый нами рассказ переводился на русский язык ни много ни мало 12 раз, включая любительские переводы. При анализе переводов этой философской сказки автором статьи использовались четыре варианта перевода: «Лист кисти Ниггля» М. Каменкович, «Лист Найгла» Т. Антонян, «Лист работы Мелкина» С. Кошелева и «Дерево и лист» Е. Гиппиус.

Процесс создания художественной картины мира в работах Дж. Р. Толкиена проявляется особенно выпукло, поскольку профессор не просто сочинял художественное произведение, но продумывал мир во всей его полноте, создавая географию, историю народов, династии королей и самое сложное – языки с полностью продуманной грамматикой и несколькими тысячами единиц словарного запаса. Сам Дж. Р. Толкиен называл такой процесс «sub-creation», процесс создания воображаемого мира, отличающегося от существующего или прототипа, но продуманного [Tolkien 2001: 100]. Он выразился о процессе творчества поэтически:

The heart of man is not compound of lies,
but draws some wisdom from the only Wise,
and still recalls him. Though now long estranged,
man is not wholly lost nor wholly changed
Man, sub-creator, the refracted light
through whom is splintered from a single White
to many hues, and endlessly combined
in living shapes that move from mind to mind.
[Tolkien 2001: 101]

Рассказ о Ниггле является, несмотря на свою принадлежность к малым формам, ключом к пониманию Дж. Р. Толкиенем сути творчества. Сам он писал так о процессе создания рассказа: «Эта история – единственная из всех мною написанных, что не стоила мне ни малейших усилий. Обычно я сочиняю лишь с превеликим трудом, до бесконечности все переписывая. Как-то утром я проснулся (более двух лет назад) – и в голове моей эта странная вещица была практически готова. Мне понадобилось только несколько часов на то, чтобы перенести ее на бумагу – а потом переписать набело. По-моему, я о ней вовсе не «думал» и не сочинял ее в обычном смысле этого слова» (из письма издателю Стэнли Анвину [цит. по: Парфенов 2004: 96]).

Можно утверждать, что жизнь Ниггла, и вообще человека, символически изображена как дерево, которое он рисует. Образ дерева жизни

характерен для множества мифологических до-христианских культур. Это египетский тамариск, прорастающий из гроба Осириса, акация Иусат, объединяющая жизнь и смерть, это германский ясень Иггдрасиль, «Мировое дерево», это китайское дерево дракона и феникса. В буддизме считают, что Ситхартха Гаутама родился под деревом Бодхи или, иначе, «деревом пробуждения». В центре исламского рая растет огромное дерево Туба, в тени которого праведники вкушают плоды с его ветвей. Наконец, это еврейское дерево Эц Хаим, растущее посреди Эдема и дающее вечную жизнь. Именно из этого последнего образа данная культурная метафора переключивается в христианство, а Дж. Р. Толкиен был человеком глубокой веры, воплощая свои христианские представления во всех своих знаковых произведениях.

На основании анализа текста мы можем говорить о представленной в нем метафоре ЖИЗНЬ – ЭТО ДЕРЕВО: *"He wanted to paint a whole tree, with all of its leaves in the same style, and all of them different"*. М. Каменкович дает следующий перевод: *«Однако Ниггль неизменно покушался изобразить все дерево целиком, со всеми листьями, и следил, чтобы все они были разные и в то же время походили друг на друга»*. Недостатком этого перевода является выбор единицы «покушался», что создает у читателя неверное ощущение запретного действия. Не лишен недостатков и другой перевод: *«Ему хотелось нарисовать целое дерево, огромное дерево со множеством листьев, похожих, и все же разных, так, чтобы красота каждого листа была неповторима»*. (Е. Гиппиус). Перевод, возможно, получился слишком длинным, и при этом в нем упущена важная исходная концептуальная деталь – цельность, завершенность дерева, которая передается в исходном тексте словосочетанием *all of its leaves*. Более точен и компактен перевод С. Кошелева: *«И все же ему хотелось изобразить целое дерево, чтобы все листья были одинаковыми и вместе с тем разными»*.

Цельность, как центральный концептуальный признак дерева и репрезентированного им творчества, является центральным в произведениях Дж. Р. Толкиена. Однажды писатель обнаружил, что сосед (отсюда, без сомнения, образ Пэриша из анализируемого нами рассказа) срубил огромное дерево, которое росло близ дома Дж. Р. Толкиена. После этого он стал представлять созданную им мифологию вымышленного мира как такое дерево, которое разделит ту же участь [Kelly 2012: 36]. Возможно, именно желая передать так явно выписанную в рассказе дихотомию части и целого, Е. Гиппиус, переводя заглавие рассказа «Leaf by Niggle», отказывается от оче-

видных вариантов перевода и называет рассказ «Дерево и лист».

Совершенно справедливо в отношении части и целого в творчестве Дж. Р. Толкиена пишет В. Генисаретская: «Дух дышит где хочет». В каждой крупице прекрасного сотворенного мира – в каждом его цветке, луче, в небесах, дождях и радугах, в живых водах морей, в травах и холмах, ветвях, облаках, во всем, что деяниями глупых еще не превратилось в руины. Дух дышит и в бережно несомом человеком даре творчества. В способности человека «творить реальность» [Генисаретская 1988].

Другим концептуальным признаком является то, что дерево живое, что передается напрямую *was alive*: *"Before him stood the Tree, his Tree, finished. If you could say that of a Tree that was alive, its leaves opening, its branches growing and bending in the wind that Niggle had so often felt or guessed, and had so often failed to catch"*. В переводе Т. Антонян подчеркивается единство нарисованного и увиденного теперь дерева за счет объединения признаков в одном словосочетании: *«Перед ним стояло Дерево. Его Дерево, только законченное и живое, если, конечно, можно так сказать о дереве»*. М. Каменкович делает разбиение на несколько односоставных предложений, передающих поток мыслей художника: *«Дерево. Это было его Дерево. Дорисованное. Живое – если можно так сказать о дереве»*.

Однако оно было живым и в самом начале. Заболев, Ниггль лежит в жару: *"Niggle was in bed, with a high temperature, and marvellous patterns of leaves and involved branches forming in his head and on the ceiling. <...>He turned his face to the wall and buried himself in leaves"*. Переводя этот фрагмент, М. Каменкович, как нам кажется, допускает смысловую ошибку: *«Ниггль только отвернулся к стене и с головой зарылся в опавшие листья»*. На картине лето, а возможно, и весна: *"the glistening of the dewdrops on its edges"*, Осеннее дерево не подходит для передачи деятельного жизненного стремления, и образ Ниггля иной – он погружается в живые листья своего живого дерева, как бы соединяясь с ним. Т. Антонян предлагает такой перевод фразы: *«Он отвернулся к стене и утонул в листве»*. Такой вариант гораздо правильнее передает исходный концептуальный образ листвы, в русском языке есть устойчивая сочетаемость: тонуть / утопать в листве. Построение фразы перекликается со строками поэта А. Кондратова: *«Густою ночью августовской упыюсь и листьях утоплюсь»*. Вариант Е. Гиппиус *«Он просто повернулся лицом к стене, и листья накрыли его с головой»* также не искажает образа живого дерева, хотя переход

к пассивному действию представляется нам не вполне обоснованным.

И все же, хотя жизнь художника завершилась, репрезентирующее ее дерево продолжает существовать и жить: *“The Tree was finished, though not finished with”*. На передаче этой фразы споткнулись многие переводчики: «Дерево было закончено, хотя и не...» (Т. Антонян), «оно было закончено (“и возница так говорил”, – припомнил он)» (С. Кошелев), замысел переводчика тут нам не вполне ясен. Е. Гиппиус производит замену уступительной связи на следственную: «Дерево оказалось закончено, а значит, вовсе с ним не было покончено». Наиболее верным представляется вариант М. Каменкович: «Дерево было окончено, хотя с ним и не было “покончено” навсегда».

Многие народы соотносили явления жизни с жизнью растений, что находит отражение в языке. Образ Дерева кисти Ниггля перекликается с представлением о том, что душа умершего может жить в цветах и деревьях (отсюда обычаем засаживать кладбища растениями). Метафора ДУША-ДЕРЕВО встречается и в Библии: И будет душа их якоже древо плодovито и не взалчут ктому (Иер. 31: 12).

Жизнь человека неразрывно связана с пониманием приходящей смерти, после которой заканчивается труд его жизни. Очевидно, что путешествие, которое предстоит художнику, и есть его смерть.

Первым аспектом репрезентации модели СМЕРТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ является восприятие предстоящего перехода человеком. Думать о нем ему неприятно, что подчеркивается модальностью *have to*: *“He didn’t want to go, indeed, the whole idea was distasteful to him, but he couldn’t get out of it. He knew, he would have to start some time...”*. «Идти ему не хотелось, да и вообще вся эта затея была не по душе, но и увильнуть было невозможно. Он знал, что когда-нибудь отправиться в путь придется» (Т. Антонян). «Ехать ему было неохота. По правде сказать, ему сама мысль об этом путешествии претила. Но изменить он ничего не мог» (М. Каменкович). Как можно видеть, первый перевод более формален, второй более лично ориентирован, что точнее соответствует духу произведения. Также выстраивает перевод и С. Кошелев: «Ехать он не хотел, да и вообще вся эта история была ему не по душе. Но деваться было некуда». Перевод Е. Гиппиус, как нам кажется, излишне эмоционален: «Ох, как он не хотел уходить! От одной мысли об этом, ему делалось не по себе». Лексема *distasteful* указывает, что человек испытывает отвращение к путешествию в смерть, русское же словосочетание «не по себе» скорее указывает на страх.

Затем художник говорит про смерть: *“...to go on that wretched journey”*, и это словосочетание показывает, что мысль о неизбежном ему невыносима – «проклятое путешествие» (Е. Гиппиус). Этот же вариант выбрали М. Каменкович и некоторые другие переводчики. С. Кошелев усиливает отношение художника: «путешествие, пропади оно пропадом» (С. Кошелев). Такой перевод скорее подчеркивает модальность неизбежности смерти.

Другим признаком концепта «Смерть» является ее неожиданность: *“to start on your journey, leaving your jobs undone”*, *“The Driver gave him no time to pack”*. Эта онтологическая суть смерти присутствует во множестве произведений, от библейской книги Екклесиаста: «Ибо человек не знает своего времени» [Екк. 9, 12] – до фразы булгаковского Воланда «Человек порой внезапно смертен». В переводах этот признак передан точно: «Тот не дал ни минуты на сборы» (М. Каменкович), «Водитель не дал ему времени на сборы» (Т. Антонян). Неизбежность смерти как отличительный признак этого концепта в языковой картине мира отмечается исследователями [Колкова 2008: 10].

Ниггл, как и большинство людей, не готов к смерти: *“He never got ready for his journey. He was moderately well-off, and yet he arrived here almost destitute, and had to be put in the paupers’ wing”*.

«Не подготовился к путешествию... Был вроде бы человеком не бедным, а сюда явился чуть ли не нагишом, так что пришлось поместить его в отделение для нищих бродяг» (С. Кошелев). Не вполне точным является передача исходного *never*, указывающего на то, что смерти предстоит постоянная подготовка всей жизни, более удачен вариант Е. Каменкович: «К путешествию своему он так и не подготовился».

Очень интересным нам представляется метафора СМЕРТЬ – ЭТО ТУННЕЛЬ: *“The train ran almost at once into a dark tunnel”*, причем на этом переход оканчивается, так как следующий абзац начинается фразой: *“Niggle woke up in a very large, dim railway station”*. Видение туннеля, сопровождающее клиническую смерть, было описано психологом Р. Моуди, однако рассказ Дж. Р. Толкиена был написан намного ранее, в 1939 г.

Эта же метафора встречается в конце рассказа, вкупе с другими авторскими выражениями, которые использует как эвфемизмы инспектор Томпкинс: *“Or I would put them away. I should have put him away long ago”* – *“Put him away? You mean you’d have made him start on the journey before his time?”* – *“Yes, if you must use that meaningless old expression. Push him through the tunnel into the great Rubbish Heap: that’s what I mean”*. В переводе М. Каменкович эта метафора сохра-

няется, хотя исчезает императив: «Пусть себе катится по туннельчику на Большую Свалку – вот что я имею в виду!» Однако другие переводчики не почувствовали необходимости сохранения слова для фиксации метафорического образа: «Вот именно, в "путешествие", как вы изволили выразиться. На свалку!» (С. Кошелев), «Я спустил бы его вниз по мусорной трубе – прямо на свалку» (Е. Гиппиус).

Итак, основным репрезентантом концепта «Жизнь» в анализируемом рассказе является дерево. Оно живое, хоть и нарисованное, и вместе с ним его создатель продолжает жить, оно цельное, но состоит из множества элементов. Не во всех переводах данный образ передан точно, что оставляет простор для дальнейшего поиска. Центральной метафорой, представляющей смерть в рассказе, является метафора путешествия, и текстовые элементы, передающие ее в переводах, не искажают исходного образа. Концептуальными признаками ее являются неожиданность и неприятность.

Свое представление о творчестве Дж. Р. Толкиен более полно воплотил во «Властелине колец», каждый лист которого выписал с любовью и тщательными подробностями. Впрочем, основной свой труд – историю Средиземья «Сильмариллион» писатель не довел до завершения и, подобно своему герою Нигглию, отправился в путешествие смерти, оставив свою главную картину неоконченной.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.
- Беляевская Е. Г. Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М., 2007. С. 60–69.
- Болдырёв Н. Н. Когнитивная лингвистика: курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2002. 123 с.
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. 288 с.
- Генисаретская В. Мир Толкиена – мир надежды. М., 1988. 75 с.
- Кабанков В. Б. Внеязыковые факторы переводческой деятельности в достижении коммуникативного эффекта при переводе // Реальность, язык и сознание: междунар. межвуз. сб. науч. тр. Тамбов, 2002. Вып. 2. С. 244–248.
- Колкова Н. А. Концепт «Смерть» в пословичных текстах // Вестник ОГУ. 2008. Вып. 11. С. 9–15.
- КСКТ – Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с

когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.

КСКТ – Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. 245 с.

Парфенов П. Эхо благой вести: христианские мотивы в творчестве Дж. Р. Р. Толкина. М., 2004. 322 с.

Прокопьева А. А. Особенности передачи метафор при переводе произведений В. В. Набокова // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. С. 206–212.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь Русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. 824 с.

Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997. С. 340–369.

Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge, 1983. 283 p.

Keller T. Every good endeavour. Penguin group. New York, 2012. 336 p.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago, 1980. 256 p.

Tolkien J. R. R. Tree and leaf: Including the Poem Mythopoeia. Introd. by Christopher Tolkien. London, 2001. 176 p.

References

- Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, 1999. 896 p. (In Russ.)
- Belyaevskaya E. G. Kontseptual'nyy analiz: modifitsirovannaya versiya metodov strukturnoy lingvistiki [Conceptual analysis: A modified version of structural linguistics methods]. *Contseptual'nyy analiz yasyka: sovremennye napravleniya issledovaniya* [Conceptual language analysis: modern fields of investigation]. Moscow, 2007, pp. 60–69. (In Russ.)
- Boldyrev N. N. *Kognitivnaya lingvistika: kurs lektsiy po angliyskoy filologii* [Cognitive linguistics: Lecture course on English philology]. Tambov, 2002. 123 p. (In Russ.)
- Vezhbitskaya A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kluchevykh slov* [Cultural understanding through key words]. Moscow, 2001. 288 p. (In Russ.)
- Genisaretskaya V. *Mir Tolkiena – mir nadezhdy* [Tolkien's world – the world of hope]. Moscow, 1988. 75 p. (In Russ.)
- Kabanov V. B. *Vneyazykovyye faktory perevodcheskoy deyatel'nosti v dostizhenii kommunikativnogo effekta pri perevode* [Extralinguistic factors of translation in achieving the communicative effect]. *Realnost', yazyk i soznanie: mezvuzovkiy sbornik nauchnikh trudov* [Reality, language and mind: inter-university scientific collection of scientific papers], 2002, issue 2, pp. 244–248. (In Russ.)

Kolkova N. A. Kontsept «Smert'» v poslovi-nykh tekstakh [Concept of “Death” in proverbial texts]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], Omsk, 2008, issue 11, pp. 9–15. (In Russ.)

Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya zhanii o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: Getting knowledge of the language. Cognitive aspects of parts of speech. Language role in the world cognition]. Moscow, 2004. 560 p. (In Russ.)

Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrác U. G., Luzina L. G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Abridged Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, 1997. 245 p. (In Russ.)

Parfenov P. *Ekho blagoy vesti: Khristianskie motivy v tvorchestve Tolkina* [The Echo of Good News: Christian motives in Tolkien's works]. Moscow, 2004. 322 p. (In Russ.)

Prokop'eva A. A. Osobennosti peredachi metaphor pri perevode proizvedeniy V. V. Nabokova

[Peculiarities of rendering metaphors when translating V. V. Nabokov's works]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Ekaterinburg, 2006, pp. 206–212. (In Russ.)

Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoy kultury. Opyt issledovaniya* [Constants. Russian Culture Dictionary. Research Experience]. Moscow, 1997. 824 p. (In Russ.)

Chenky A. Semantika v kognitivnoy lingvistike [Semantics in cognitive linguistics]. *Fundamental'nye napravleniya sovremennoy amerikanskoy lingvistiki* [Fundamental focuses of modern American linguistics]. Moscow, 1997, pp. 340–369. (In Russ.)

Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. Cambridge, 1983. 283 p. (In Eng.)

Keller T. *Every good endeavour*. New York. 2012. 336 p. (In Eng.)

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, 1980. 256 p. (In Eng.)

Tolkien J. R. R. *Tree and leaf: Including the Poem Mythopoeia*. Introd. by Christopher Tolkien. London, 2001. 176 p. (In Eng.)

“LIFE” AND “DEATH” IN J. R. R. TOLKIEN'S SHORT STORY *LEAF BY NIGGLE*: LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPTS AND PECULIARITIES OF THEIR CONVEYANCE INTO RUSSIAN

Georgy I. Prokonichev

Associate Professor in the Department of Theory and Practice of Translation
Moscow State Pedagogical University

88, prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation. Armiger@Yandex.ru

SPIN-code: 9268-6183

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7754-8723>

ResearcherID: D-4648-2017

The article considers the linguistic representation of the concepts “Life” and “Death” in the text of J. R. R. Tolkien's short story *Leaf by Niggle*, in particular the cognitive metaphors representing the given concepts. Studies of how different notions are conceptualized in the language are a perspective way to understand the basic mechanisms which lie deep within any language. One of the ways these mechanisms can be revealed is through analysis of cognitive metaphors in the language. In the process of text interpretation, it is important to render conceptual information correctly into another language. The basic concepts “Life” and “Death” play one of the central roles in many literary works by J. R. R. Tolkien, including his fundamental novel, and they are especially well rendered in the story under analysis. When the words making up these concepts in a fictional work are determined, we can get an insight into deeper linguistic structures underlying the outer language form. The main conceptual metaphor which represents the concept “Life” is “LIFE IS A TREE”. Tree is a symbol of life in many cultures and religions, and in the text it is represented by numerous collocations. In the text of the story, the Tree in the picture is represented as living and serves metaphorical representation of its creator's life. Also, it is the symbol of prevalence of life over death. Death is represented in the text of the story through the conceptual metaphor “DEATH IS TRAVEL”, which is also archetypical for many cultures. The metaphor has several defining characteristics, which are mainly negative. We also conduct a comparative analysis of the English text and several of its most well-known translations into Russian in order to reveal differences in the representation of the above-mentioned concepts in the original text and in these translations.

Key words: J. R. R. Tolkien; concept; cognitive metaphor; life; death; translation; source text and target text.